

ФРАНЦУЗСКИЙ РОМАН ЛИБЕРТИНАЖА: ВЛИЯНИЕ ДИНАМИКИ ИНТИМНОГО И ПУБЛИЧНОГО НА ЗАРОЖДЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОГО ПСИХОЛОГИЗМА

Юрий Игоревич Семенченко

кандидат филологических наук, старший преподаватель Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: yurisemenchenko@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3360-7453

Аннотация. Отнесение объективного художественного психологизма к завоеваниям классического (и в первую очередь – психологического) реалистического романа XIX в. является одним из общих мест отечественной и зарубежной исследовательской традиции в изучении психологизма как категории исторической поэтики. В статье, с опорой на теорию «точки зрения» Б. Успенского и с позиций работ Н.Т. Пахсарьян, Н.В. Забабуровой и В.Д. Алташиной по поэтике рокайльного французского романа, доказываем, что предпринятое в романах «Заблуждения сердца и ума, или Мемуары г-на де Мелькура» Кребийона-сына и «Исповедь графа ***» Дюкло исследование внутренней жизни героев обладает всеми признаками объективного психологического анализа.

Источником движений души героев становится вступление в свет. Расхожие для философов XVIII в. представления об устройстве человеческой психики оказываются основой рационалистической позиции героев-рассказчиков, стремящихся ретроспективно – с опорой на опыт познания самого себя и мира («двойной регистр») – прийти к обобщению социально-психологических явлений и конкретизации универсальных морально-психологических категорий. Осознание героем связи с обществом как включенности в нерасчленимое движение судеб, без которого невозможно позиционирование персонажа как носителя общечеловеческого и индивидуального одновременно, в романе либертинажа представлено иначе, чем в реалистической романистике – как совмещение и переключение (зачастую с доведением до предела) контрастных масштабов рокайльного жизненного планирования – приватного и публичного. В зависимости от наличия или отсутствия индивидуального видения социального окружения и своего места в нем, герой выбирает те или иные модели инициационного пути в высшем свете, а вместе с тем возможности контроля над составом и соотношением элементов внутреннего мира.

Ключевые слова: французская литература XVIII века, французский психологический роман, роман либертинажа, художественный психологизм, интимное и публичное, точка зрения, двойной регистр, Кребийон-сын, Дюкло

Традиционно честь изобретения объективного художественного психологизма приписывается литературе XIX в., в первую очередь французскому реалистическому роману. Действительно, в нем нашли законченное воплощение многие признаки объективного художественного психологизма – стремление к конкретизации и одновременно универсализации психических состояний индивида (Стендаль) [Забабурова: 59–83], осознание детерминированности психического единства Я социальным и лично-интимным (Стендаль) [Там же: 59–83], разработка диалектики мотивации действий субъекта в контексте его включенности в сложную ткань социальных отношений (Стендаль) [Там же: 59–83], и даже универсализация биографически обусловленного опыта и его концептуальное оформление в психическое единство личности на определенном возрастном этапе (Ф.-Р. де Шатобриан, Ж. Санд) [Попова: 396–403].

Цель данной статьи – продемонстрировать, что процесс вызревания некоторых из обозначенных особенностей объективного психологического анализа начался еще во французском романе XVIII столетия, а именно в романах о либертенах.

Формулировка «роман либертинажа» вряд ли может считаться строгим жанровым обозначением, скорее, она выступает как зонтичный термин для значительной части романного наследия, помещающей в центр

истории из жизни вольных повес, ограничивших формы самоутверждения усвоением и воспроизведением «хорошего тона» как наиболее прямого и торного пути к блистательной светской репутации («Заблуждения сердца и ума, или Мемуары г-на де Мелькура» Кребийона-сына). Сюда же относятся произведения, вдохновленные примерами современников, прибегавших к самым циничным и одновременно шокирующе изобретательным стратегиям разрушения ценностно-эмоциональной сферы жертвы («Опасные связи» Ш. де Лакло, «Жюстина, или Несчастливая судьба добродетели» М. де Сада).

Независимо от жанровой разновидности, роман либертинажа вскрывает неадекватность повседневной чувственной практики поведения не просто героике «общественного человека» XVII в., но самим представлениям о существовании некоей гуманистической мерки, положенной в основу реальных законов житейских отношений. Французский психологический роман XVIII в., как думается, едва ли не впервые в истории европейской литературы предпринял попытку отказаться в художественном изображении мира от абстрактно-идеалистического подхода – то есть такого, который предполагает постоянную оценку изображаемого на соответствие абсолютному идеалу – в пользу аналитико-критического исследования индивидов, обособленных от всех форм героико-общественной, коллективной жизни и ру-

ководствующихся исключительно частными интересами.

Признание неизбывной противоречивости человеческой природы и человеческих желаний в качестве начала и конца всякого жизненно достоверного нравоописания стимулировало поиск таких приемов художественного психологизма, которые позволили бы изобразить внутренний мир персонажа не как заранее очерченную структуру, чьи свойства выводятся из принадлежности или непринадлежности к аксиологически положительному полюсу (например, к идеологическому уровню в классицистической картине мира), а как сущность, сопротивляющуюся одномоментному и полному присвоению со стороны всматривающегося в нее Я. И это сопротивление оказывается тем сильнее, чем разнообразнее и беспримечнее социальный опыт познающего субъекта: речь идет не просто об открытии Я «скандальности» (Н.Т. Пахсарьян) собственных будничных повседневных впечатлений и побуждений, но о расширении и усложнении социальных связей вследствие изменения логики взаимодействия публичного (парадного) и частного (непарадного) в динамизме жизни мужчин и женщин, принадлежавших к узкому кругу петиметров и кокеток.

Иными словами, французский роман XVIII в., в частности, романы о либертенах периода зрелого (1730–1740-е гг.) и позднего (1770–1790-е гг.) рококо, тематизируют при-

общение светских людей к новой публичности. Н.Т. Пахсарьян в статье «Жанровая трансформация французского романа на рубеже XVII–XVIII вв.» (2000) оперирует термином «непарадность» для фиксации и описания семантических сдвигов в содержании понятия «правдоподобие», произошедших в связи выдвиганием романистами последней трети XVII в. идеи ограниченности возможностей созданного для удовольствия и счастья человека всегда следовать нравственным требованиям «разумной» любви [Пахсарьян: 44–56]. Сама литературная тематизация скандальности естественной природы человеческого счастья, думается, отчасти определила поиск аристократами новых ориентиров для формирования жизненного уклада: «амплитуда» обыденной светской практики петиметра максимально отклонялась от своих средних значений в акте проверки, «аттестации» успехов наблюдаемого человека судьями из высшего света. Момент вынесения вердикта «коллегами» оказывается повторяющейся диалогической реакцией, либо еще раз подтверждающей блестящую репутацию петиметра, либо осмеивающей и клеймящей незадавшегося повесу. Однако со временем практика следования светским правилам эволюционирует от поддержания ограниченно перформативного существования к активному, хотя и не всегда очевидному даже для самого действующего персонажа, исследованию границ влияния социального

окружения и социальных моделей на формирование внутреннего мира, на развитие тех общечеловеческих психических «способностей» (И.В. Лукьянец), без которых невозможно высвобождение от власти чувственности и приносимых ею удовольствий. «Парадное» в романе зрелого и позднего рококо опознается почти всегда неожиданно – через открытие ранее неизвестной сложности и непреложности связей между индивидом и самыми разными представителями общества, а когда опознается – подводит героя-рассказчика или участников действия к конкретизации собственных мотивировок поведения в универсальных морально-психологических категориях и, как следствие, к набрасыванию социально-психологического портрета – как собственного, так и других представителей той же социальной среды.

Все сказанное относится к романам «Заблуждения сердца и ума, или Мемуары г-на де Мелькура» Кребийона-сына и «Исповедь графа ***» Ш. Дюкло. Для подтверждения этой гипотезы рассмотрим, как возрастающее от текста к тексту количество взаимодействий между героем-рассказчиком (или персонажами-идеологами) и социальным окружением расширяет возможности разработки в рокайльном романе объективных психологических характеристик персонажей; то есть характеристик, способных раскрыть (во временной динамике) внутренний мир человека как одновременно типический и уникаль-

ный: типический потому, что в присущих ему противоречиях угадываются социально-исторические закономерности и противоречия конкретного исторического времени (что подготавливает почву для изображения в реалистическом романе персонажа в системе широких общественных связей), уникальный потому, что в основе мотивации поступков оказывается сознательно поддерживаемая персонажем «двусмысленная» связь с обществом, по-рокайльному сопротивляющаяся полной и однозначной разгадке.

Разработанные Кребийоном приемы психологического анализа стабильно оказывались в центре внимания крупнейших зарубежных и отечественных исследователей французской литературы. Среди них нет единства в ответе на вопрос, к какому типу относится психологизм, представленный в авторской романной форме. Так, И.В. Лукьянец определяет психологизм Кребийона как «объективный психологический анализ»: в этой характеристике, основанной на диалектическом соединении двух антинимичных атрибуций, «объективный» подчеркивает отказ писателя от прямых оценочных характеристик в пользу рационализации и обобщения всех волнующих душу движений, а «аналитический» указывает на заимствование Кребийоном из традиции французского аналитического романа методологии дробления единого чувства на атомы с последующим созданием на их основе од-

ного из вариантов психологической таксономии [Лукьянец: 268]. Эта точка зрения переключается с позицией П. Гольмена, согласно которому в «Заблуждениях» сосуществуют два типа психологизма: аналитический – с его замкнутыми, статичными морально-философскими формулами, складывающимися в логически прозрачный характерологический рисунок-чертеж, и объективный – проблематизирующий косность и узость формул психологического аналитизма [Gaulmyn: 8]. Исследовательская практика Гольмена, как думается, отчасти предвосхитила отказ современных ученых от ряда дискурсивных конвенций по поводу нормативности, регулятивности и риторичности творчества Крейбиона, актуализировав присущее его прозе – как и прозе рококо в целом – стремление к решению проблемы естественно-органического стиля через экспериментирование с разнообразными поэтическими формами. По мнению Н.В. Забауровой, в «Заблуждениях» осуществляется переход от классического аналитизма к объективному психологическому анализу: рассказчик, чья позиция практически неразличимо сливается с позицией всеведущего автора, по ходу повествования устанавливает границы влияния социальных моделей на формирование внутреннего мира наблюдаемого Я и, в конце концов, не только выявляет универсальные механизмы психической жизни индивида в контексте его включенности в социальную группу, но и об-

лекает эти самые механизмы в конкретные морально-психологические категории [Забаурова: 408]. Вместе с тем исследовательница, подводя итог первому этапу разработки социальной психологии во французской романной прозе, формулирует его принципиальное отличие от реалистического. Если в психологическом романе XIX в. создание неповторимого и одновременно универсального характерологического портрета достигается благодаря драматическому прозрению героем связи собственной судьбы с движением судеб самых разных представителей общества, то во французском романе XVIII в. связь с обществом не осознается и воплощается механистически [Там же: 408].

Попытаемся предложить иной взгляд на степень включенности персонажей французского рокайльного романа в становящиеся формы социальных отношений и извлечь дополнительный критерий для оценки психологизма «Заблуждений» не из исторической эволюции поэтических форм, а из внутреннего динамизма рокайльного мироощущения, проявляющегося в стремлении к чередованию своих «родовых» феноменов по образцу заложенной в основе эмблемы рококо циклической смены режимов размыкания и замыкания.

Именно поэтому первое галантное приключение Мелькура укладывается в схему лабиринта с переходами. Участие мадам де Люрсе в приобщении юноши к высшему све-

ту подобно сфере, обращенной вовне и приглашающей будущих петиметров внутрь себя, чтобы сокрыть их там. Вращение в этой «сфере» не только дает импульс робко обозначившимся галантным отношениям юноши и опытной дамы, но и «приглашает» к участию в судьбе Мелькура других обитателей высшего света – госпожу де Сенанж и Версакка. Действительно, последние представляют за типичные для светского общества психо-социальные реакции на новичка. Стареющая кокетка, взыскуя сближения с юношей, не только идет на поводу у собственной порочности, но и предвосхищает ожидания кружка, к которому она принадлежит. Версакк, обучая и наставляя Мелькура в искусстве «хорошего тона», лишь предупреждает развитие одного из двух сценариев – такого, при котором неопытный петиметр допустил бы большое количество чувствительных для репутации промахов, прежде чем превратился бы в опытного либертена. Иными словами, ни одна из приведенных публичных реакций не выходит за пределы герметичного светского мира, стремящегося к сохранению сложившегося набора взаимодействий. Статика и динамика второго режима, замкнутого на ограниченном числе предсказуемых светских ситуаций, вновь уступает место менее прогнозируемым формам социально-психологических интеракций. Правда, теперь они обуславливают и масштабное прозрение героем заурядности собственного внутреннего

мира, и как будто сознательное сокрытие – будь то из-за стремления стимулировать творческую активность читателя, либо из-за желания сберечь сконструированную в мемуарах версию Я, либо из-за того и другого вместе – скандального знания о себе как о неспособном придерживаться заведенного однажды порядка расточения психических сил в обращении с женщинами.

Именно в эпизоде с финальным объяснением Мелькура и госпожи де Люрсе подвижная статика рокайльной организации жизни разрождается динамизмом принципиально нового психолого-диалогического взаимодействия. Попробуем проследить этот процесс с опорой на теорию «точки зрения» Б. Успенского, явившуюся подробной концептуальной категоризацией типов «наблюдателей» (повествователей, рассказчиков, персонажей) в изображенном мире, соответствующих им кругозоров («объемов», получаемых наблюдателями сведений, позволяющих им самостоятельно выстраивать образ действительности и оценивать его как этически, так и эстетически), а также вариантов авторской оценки этих наблюдателей и их кругозора [Успенский: 77–89].

Свидание, завершившее короткий период антивоспитания Мелькура, является едва ли не единственной во всем романе сценой, в которой точка зрения Мелькура оказывается в подчиненном положении по отношению к точке зрения госпожи де Люрсе. Этого

совсем небольшого фрагмента текста оказывается достаточно, чтобы представить точку зрения героини в «плане оценки»: в ответе Мелькуру опытная и умная женщина не просто по-либертенски вскрывает несостоятельность этической позиции жертвы и тем самым обращает ее к себе как к устойчивому и завершенному этико-психологическому ориентиру, но демонстрирует верность кодексу светского поведения, суть которого – в постоянном поддержании равновесия между стремлением к удовлетворению желаний и стремлением к завоеванию или сохранению безупречной репутации. О значении этой беседы для осознания Мелькуром не только сложности, но и типичности своего внутреннего мира свидетельствует воследовавший сразу же отчет об открывшихся тайнах движений сердца и разума:

«Ее красота волновала мои чувства, а любовь – силу которой я преувеличивал, – находила путь к моему сердцу и наполняла его гордостью. <...> Как я ни был околдован, глаза мои наконец раскрылись. Я еще не понимал, чего мне не хватает, но чувствовал душевную пустоту. Любовь госпожи де Люрсе волновала только мое воображение, и я все время подстегивал его, чтобы не впасть в уныние. <...> Я еще восхищался, но нежность пропала» [Кребийон: 257].

Здесь – нагромождение наименований категорий психологии общечеловеческого

уровня, призванных зафиксировать завершение формирования внутреннего мира юноши под влиянием знакомства с одним конкретным вариантом этико-психологического отношения к своему Я. Так, обозначение чувств в качестве объекта воздействия со стороны любви не случайно: рассказчик подчеркивает понимание различий между чувствительностью как способностью к интенсивному эмоциональному реагированию на разные формы близости с субъектом – прежде всего на духовную – и чувственностью («движением ощущений») как особую восприимчивость к телесной осязательности взыскуемой проекции желаний и удовольствий. Его замечание о способности любви находить путь к сердцу и наполнять его гордостью будто цитирует светских популяризаторов сенсуалистской философии, видевших в главном жизненном органе зеркало для самопознания и самоидентификации субъекта, обеспокоенного выяснением соотношения чувствительного и чувственного в психической жизни, а также проверкой соответствия этого соотношения сложившимся ранее представлениям о собственной душе. Последовавший далее рассказ Мелькура о постигшем его разочаровании в представлениях о любви к госпоже де Люрсе – словно репетиция забрезжившего перехода к чувствительности и рефлексии опытного петиметра, признающего существование радостей, многократно превосходящих чувственные

удовольствия, но упрямо ускользящих от взыскующего их субъекта, превращающегося со временем в свидетеля разоблачения иллюзией самое себя и своего присутствия.

Итак, прозрение способности элементов внутреннего мира складываться в казавшиеся ранее невозможными конфигурации – в первую очередь такие, которые заставляют увидеть в себе типичную для общества с эгоистичными желаниями жертву собственного воображения, подпитывающегося тщеславием и протестически многообразной чувственностью, – как раз и является фактом осознания связи с социумом. Связи, отражением которой оказываются не столько бесчисленные переплетения, схождения и расхождения жизней и судеб (как, например, в психологическом романе эпохи реализма), сколько эмоционально-аффективное восприятие героем даже предельно сконцентрированных во времени и пространстве социально-диалогических форм опыта. На это можно возразить, что в «Заблуждениях» наблюдается прием «двойного регистра» (Ж. Руссе), который позволяет не только примешивать к фабуле намеки на события, не вошедшие в произведение, но и умышленно искажать реальную мотивацию поступков «себя-в-прошлом», чтобы с позиции зрителя собственной позы контролировать «желаемую версию Я». Однако для героя-рассказчика оказывается гораздо более важным выразить ту детерминированность, которую

получило раз и навсегда развитие перипетий сердца и разума от встречного движения двух противоположных реакций: Версака, не упускающего случая обернуть против обеспокоенной своей репутацией дамы ее же поклонника, и госпожи де Люрсе, не останавливающейся перед нарушением правил светского тона ради внушения любви и почитания юной жертве. (Здесь уместно привести слова В.Д. Алташиной: «Между первой и последней сценой романа проходит всего две недели, но как велика их роль в жизни Мелькура <...>» [Алташина].)

Роман «Исповедь графа ***» Ш. Дюкло, последователя Кребийона в области исследования перспектив преодоления светскими людьми напряжения между чувствительностью и чувственностью, продолжает развивать обозначившиеся у соотечественника признаки объективного психологического анализа. По мнению Забабуровой, Дюкло, по сравнению с Кребийоном, делает большой шаг вперед в попытке соединить психологию и социальные характеристики [Забабунова: 404]. Писатель идет по торному, кребийоновскому пути редукции субъективности анализа, заключающемуся в отождествлении позиции героя-рассказчика с авторской позицией и дальнейшей разработке идеи влияния социальных моделей поведения на осознание субъектом существования связи между конфигурацией инициационного пути в высшем свете и расширением возможностей регули-

рования состава и соотношения элементов внутренней жизни.

Для графа *** побудительным импульсом погружения в удовольствия высшего света стал интерес к перспективе найти внимание и ласку среди охочих до неопытных и податливых юношей кокеток:

«К тому времени мною было прочитано несколько так называемых любовных романов. Перспектива быть обласканным прелестной женщиной в сочетании с впечатлениями, произведенными на меня румянами, бриллиантами <...> распалило мое воображение» [Дюкло: 224].

За первым галантным приключением последовало и второе, и третье, и четвертое и так до тех пор, пока мысль об отвращении, которое он должен был внушать благоразумным людям, не посетила его и не сформировала в нем желание перейти к более спокойному и размеренному существованию. Ромкайльная литература и, в частности, литература о либертенах, изобилует подобного рода прозрениями, которые, тем не менее, всегда оказываются гносеологически и этически значимыми для способных к критической «самооглядке» героев (вспомним хотя бы маркиза де Ренонкура из «Мемуаров и приключений знатного человека, удалившегося от света», постоянно манкирующего выполнением данного самому себе обещания). Поведение же графа *** нетривиально хотя бы

потому, что он стремится к скорейшему воплощению в житейской практике потрясшего его импульса благородного желания. Сначала – устроение личного счастья двух знатных влюбленных, оказавшихся неспособными самостоятельно справиться с материальными затруднениями. Радость от новизны удовольствия вскоре сменилась особенным, ранее никогда не испытанным состоянием душевной пустоты (*vide*), причину которого он сразу же усмотрел в пресыщенности светской жизнью, предлагающей человеку стандартный набор амплуа («либертен-интеллектуал», «чувствительный человек», «жестокий соблазнитель», «либертен-гедонист») и столь же стандартный набор радостей и заблуждений. Наконец, встреча с благоразумной вдовой – мадам де Сельв. Ее образ мыслей, свободный от светских штампов, и чистое сердце укрепили графа в мысли о браке с ней как о единственной возможности обрести новое счастье – свободное от суетных желаний и связанного с ними послевкусия пустоты.

Как видим, на момент столкновения с инициационным опытом граф *** отличался от Мелькура свободой от каких-либо превратных представлений о движениях чувственности, о причинах сердечных порывов и о тотальности воздействия высшего света на психологическую самоидентификацию: отсюда стремительность, с которой граф следует расхожей морали и доводит до крайности один из обязательных для ро-

кайльного жизненного планирования контрастных масштабов – публичность. Налицо также растождествление между графом *** и либертенами, решившимися на компромисс с обществом (например, Версак, которому стоило многих усилий «извратить свой характер») или пожелавшими искать одобрения у своих кумиров. Каждое любовное приключение графа уподобляется авантюре. Оно создает избыток удовольствия с тем, чтобы заставить героя прийти до пресыщения и, в конце концов, открыть ему глаза на неотвратимость перспективы бесконечного возвращения к опыту невозможности сопряжения контуров созревшего духовного желания и всякого до тех пор известного жизненного удовольствия. Возвращение графа *** к мадам де Сельв, сопровождавшееся попыткой зафиксировать свою склонность к непостоянству в покаянных тонах, – почти героический штрих биографии, поскольку речь идет не просто об эволюции от либертена к порядочному человеку, но об автономизации психического Я, а именно о начале процесса новой кристаллизации внутреннего мира из не подозревавшегося субъектом многообразия скрытых форм чувствительности. Новая, пересозданная конфигурация отношений между уровнями человеческой психологии сопротивляется растворению в социальных моделях, и даже устанавливает им новые пределы существования – между и поверх Я, а не в нем или вокруг него.

Вспомним теперь в этом контексте о такой выделенной Пахсарьян особенности переходных форм французского (рокайльного) романа, как тяготение к самому разнообразному арсеналу Романиии [Пахсарьян: 44–56]. Исследовательница отмечает, что поэтика произведений этого периода складывается в атмосфере идейно-эстетического компромисса, сводимого к снятию структурно-стилевого различия между «высокими» психологическими и «низкими» нраво- и бытоописательными компонентами за счет осознанной трансформации последних по принципу «психологизированной травести» [Там же: 44–56]. Иными словами, те структурные единицы, которые были разведены либо по разным жанровым модификациям романа (роман «высокого» и «низкого» барокко), либо по разным композиционно-структурным единицам произведения (например, в «Симплициссимусе», романе низового варианта, сцена осады отчасти списана с аналогичной сцены из пасторального романа Ф. Сидни «Аркадия»), складывались в оптику, в свете которой собственный мир любовных переживаний, с одной стороны, обнаруживал удивительное сходство со сложными композициями душевных состояний романических героев, с другой стороны, ускользал от присвоения книжным опытом, грозившим стать препятствием к определению своего чувства инаковости по отношению к художественным обобщениям законов бытия.

И хотя появление «Исповеди графа ***» приходится на расцвет рокайльного стиля, в романе присутствует такой заимствованный из сюжетной романистики компонент, как «механически многочленный сюжет» (Л. Пинский) – неотделимый от «кочевой» природы героя, чья цель – обретение особой, отмеченной печатью сословности, формы отношения к высоким или низким идеалам эпохи, оправданным из исторически подвижного состава бытия. Однако выдвигание в рокайльном мире в качестве главной этико-эстетической ценности «жизни сердца» и вариантов ее конкретной реализации – интеллектуально-чувственной, простодушно-чувствительной, или откровенно аморалистичной – резко сокращает наличное разнообразие феноменов мира, подлежащих нормативно-этической оценке героем архетипического, хотя и перенесенного в сферу частного, интимного существования, сюжета о поисках. Поэтому обретенная графом *** автономия внутреннего мира от жизненных удовольствий отличается особой камерностью и даже эскизностью, привносящей незавершенность в самое себя и затрудняющей универсализацию оформленного средствами риторического слова пути самореализации Я. Тем не менее прогресс, который продемонстрировала в душе графа новая философия, наводит на мысль о вызревании в романе Дюкло тенденций сентиментализма, характерных для руссоистского варианта Просвещения с его проти-

вопоставлением рассудочности эмоционального поведения в качестве главного истока лучших человеческих качеств.

Подводя итог, можно заключить, что принятое Кребийоном и Дюкло исследование внутреннего мира героев обладает многими признаками объективного психологического анализа, а именно: двойным регистром, тяготением к постепенному раскрытию ускользающих от схематичной определенности морально-психологических категорий и, наконец, помещением героя в систему многообразных, казуальных и телеологических интеракций с миром, без которых невозможно ни полное исследование этапов кристаллизации мотиваций душевной жизни героев, ни опознание в индивидуальности Я героя следов присутствия надличностных и сверхиндивидуальных переживаний. Осознание связи с обществом, традиционно приписываемое героям классического реалистического романа, возникает у героев Кребийона и Дюкло не вследствие умножения социальных ролей или перемен общественных положений, но главным образом и по преимуществу вследствие регулярной смены контрастных рокайльных форм существования – перехода от частного к публичному у Мелькура и от публичного к частному у графа ***.

Литература

Алташина, В.Д. Взгляд и слово в романе Кребийона-сына «Заблуждения сердца

и ума» // Искусство жить и жизнь искусства, 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/literature3/altashina-04.htm> (дата обращения: 31.10.2025).

Дюкло, Ш.П. Исповедь графа *** // Французский фривольный роман / Кребийон-сын, Ш.П. Дюкло, Ж. Казот, Д. Дидро / пер. с фр. Е. Бабаевой, Г. Сахацкого, Н. Сигал; сост., вступ. ст. и примеч. А. Михайлова. М.: Эксмо, 2002.

Забабурова, Н.В. Избранные труды. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2017.

Кребийон-сын. Зablуждения сердца и ума, или Мемуары г-на де Мелькура / под ред. А.Д. Михайлова; пер. А.А. Поляк, Н.А. Поляк. М.: Наука, 1974.

Лукьянец, И.В. Французский роман второй половины XVIII века (автор, герой, сюжет): дис... докт. филол. наук. СПб, 1999.

Пахсарьян, Н.Т. Жанровая трансформация французского романа на рубеже XVII–XVIII вв. // «На границах»: Зарубежная литература от Средневековья до современности / под ред. Л.Г. Андреева. М.: Экон, 2000. С. 44–56.

Пинский, Л.Е. Бальтасар Грасиан и его произведения // Грасиан, Б. Карманный оракул; Критикон / пер. и комм. Е.М. Лысенко и Л.Е. Пинского. М.: Наука, 1984.

Попова, А.В. Образ детства в повествовательной структуре мемуарно-автобиографической прозы (Ф.Р. де Шатобриан и Жорж Санд) // Известия Саратовского университе-

та. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 395–403.

Успенский, Б.А. Поэтика композиции. СПб: Азбука, 2000.

Gaulmyn, P. de. (1975). Essai sur l'écriture des "Egarements" de Crébillon. Les Paradoxes du romancier: Les "Egarements" de Crébillon. Grenoble: Presses universitaires de Grenoble.

References

Altashina, V.D. (2004). Vzglyad i slovo v romane Krebijona-syna "Zabluzhdeniya serdca i uma" [The look and the word in Crébillon-son's novel "Les Égarements du cœur et de l'esprit"]. In N.T. Pahsar'yan (Ed.), *Iskusstvo zhit' i zhizn' iskusstva* [The art of living and the life of art]. Retrieved from: <http://www.philology.ru/literature3/altashina-04.htm> (date of access: 31.10.2025).

Crébillon fils. (1974). *Les égarements du coeur et de l'esprit*. [The misguidances of the heart and the mind]. Moscow: Nauka.

Duclos, Ch.P. (2002). Les confessions du comte *** [The art of living and the life of art]. In A. Mikhailov (Ed.), *Francuzskij frivol'nyj roman / Crébillon fils, Ch.P. Duclos, J. Cazotte, D. Diderot* [The French frivolous novel / Crébillon fils, Ch.P. Duclos, J. Cazotte, D. Diderot]. Moscow: Eksmo.

Gaulmyn, P. de. (1975). Essai sur l'écriture des "Egarements" de Crébillon [An essay on Crébillon fils's "Delusions"]. *Les Paradoxes du romancier: Les "Egarements" de Crébillon* [The paradoxes

of the novelist: the "Egarements" of Crébillon]. Grenoble: Presses universitaires de Grenoble.

Luk'yanec, I.V. (1999). *Francuzskij roman vtoroj poloviny XVIII veka (avtor, geroj, syuzhet)* [The French novel of the second half of the XVIIIth century: author, character, plot] (Doctoral Dissertation, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg).

Pahsar'yan, N.T. (1996). Zhanrovaya transformaciya francuzskogo romana na rubezhe XVII–XVIII vv. [Genre transformation of the French novel at the turn of the XVIIth and XVIIIth centuries]. L.G. Andreev (Ed.), *"Na granicah": zarubezhnaya literatura ot srednevekov'ya do sovremennosti* ["On the borders": foreign literature from the Middle Ages to the present]. Moscow: Ekon, 44–56.

Pinskij, L.E. (1984). Bal'tasar Grasian i ego proizvedeniya [Baltasar Gracian and his oeuvres]. B. Grasian, *Karmannyj orakul; Kritikon*

[Pocket oracle; critic] (K.T. Pinsij, & E.M. Lysenko, Trans.). Moscow: Nauka.

Popova, A.V. (2024). *Obraz detstva v povestvovatel'noj strukture memuarно-avtobiograficheskoy prozy (F.R. de Shatobrian i Zhorzh Sand)* [The representation of childhood in the autobiographical narrative structure (F.-R. de Chateaubriand and George Sand)]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Proceedings of Saratov University. A New Series. Series: Philology. Journalism], 24(4), 395–403.

Uspenskij, B.A. (2000). *Poetika kompozicii* [Poetics of composition]. Saint Petersburg: Azbuka.

Zababurova, N.V. (2017). *Izbrannye trudy* [Selected works]. Rostov-on-Don, Taganrog: Southern Federal University.

Для цитирования: Семенченко, Ю.И. Французский роман либертинажа: влияние динамики интимного и публичного на зарождение объективного психологизма // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2025. Т. 10. № 3. С. 123–136. DOI 10.18522/2415-8852-2025-3-123-136

For citation: Semenchenko, Y.I. (2025). The French libertine novel: the influence of the dynamic of the private and public on the genesis of the objective psychologism. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 10(3), 123–136. DOI 10.18522/2415-8852-2025-3-123-136

THE FRENCH LIBERTINE NOVEL: THE INFLUENCE OF THE DYNAMIC OF THE PRIVATE AND PUBLIC ON THE GENESIS OF THE OBJECTIVE PSYCHOLOGISM

Yury I. Semenchenko, PhD in Philology, Senior Lecturer, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); e-mail: yurisemenchenko@yandex.ru

Abstract. Attributing objective psychologism to the achievements of the classical (and primarily psychological) realistic novel of the 19th century is one of the commonplaces of the Russian and foreign research traditions in the study of psychologism as a category of historical poetics. In the article, based on the theory of ‘point of view’ of B. Uspensky, and from the standpoint of the works of N.T. Pakhsaryan, N.V. Zababurova and V.D. Altashina, dedicated to the poetics of the French roccaille novel, it is proved, that introspection, undertaken by Crébillon-son in the novel “Les Égarements du cœur et de l’esprit” and by Duclos in the novel “Les confessions du comte ***” has all the attributes of an objective psychological analysis.

The trigger for the characters’ soul movements is the situation of their entry into high society. The ideas about the structure of the human psyche, which are common to philosophers of the 18th century, turn out to be the basis of the rationalistic position of the narrator characters, who strive retrospectively - based on the experience of knowing themselves and the world (“double register”) – to generalize socio-psychological phenomena and to concretize universal moral and psychological categories. The character’s awareness of his connection with society as involvement into the inextricable movement of fate is presented in libertinage’s novel differently than in later realistic tradition. It manifests itself as a combination and switching (often to the limit) of contrasting scales of roccaille life planning – private and public ones. Depending on the presence or absence of character’s individual vision of his social environment and one’s place in it, he chooses certain models of the initiation path to high society, and the ways of control over the composition and the ratio of the elements of his inner world.

Key words: XVIIIth-century French literature, French psychological novel, libertine novel, artistic psychologism, private and public, point of view, double register, Crébillon-son’s, Duclos

